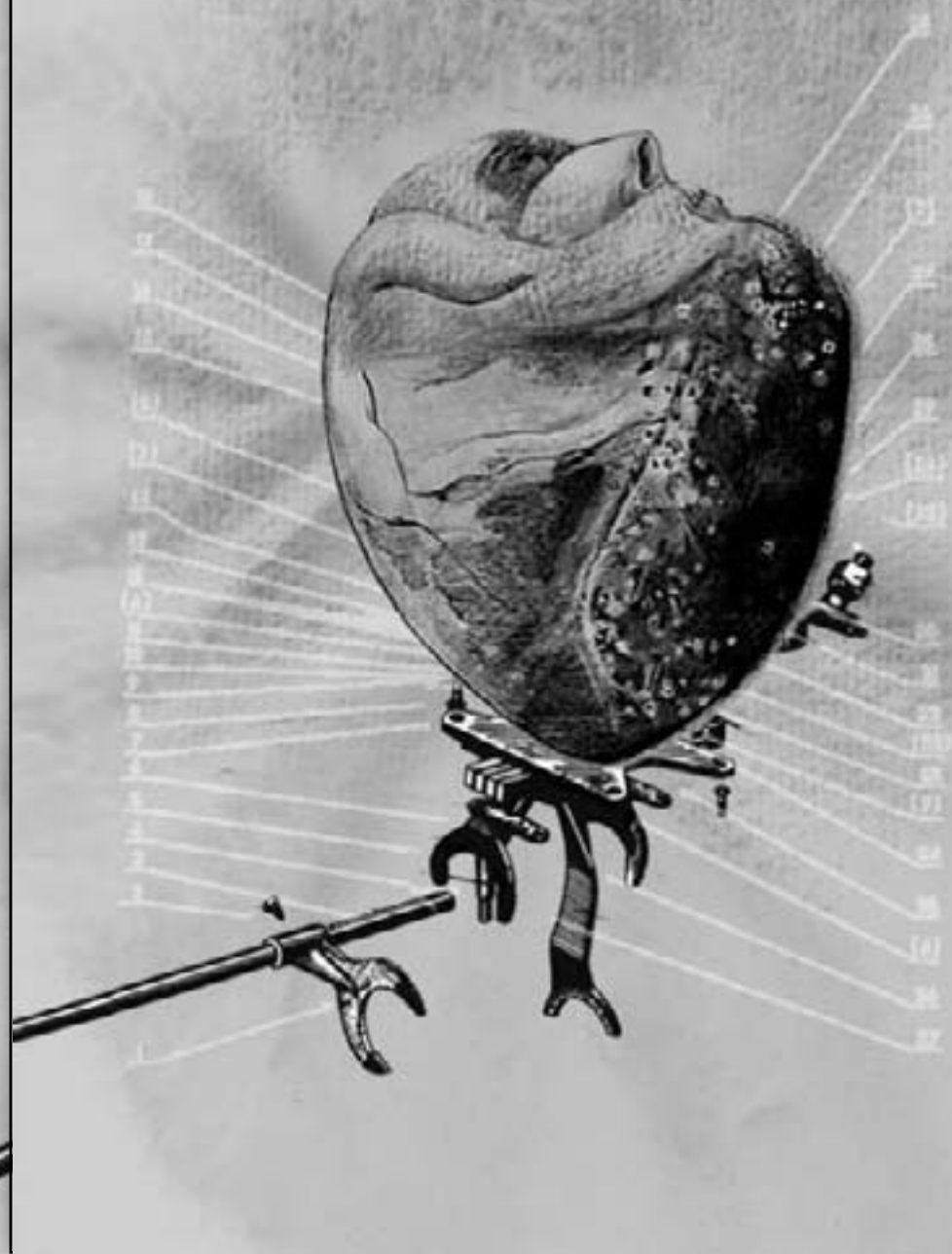

ТВОЄ СЕРЦЕ

Екатерина ПАНЬО
ТВОЁ СЕРДЦЕ

Рабочий день подходил к концу. Город внизу сверкал огнями. Но Л. только безнадежно качал головой в ответ на этот безмолвный призыв. Сегодня ему придется задержаться. Он оставил попытки угадать в хаотическом мерцании окна своего дома и мигающую вывеску «Синей лошади» и с трудом отвел взгляд от вечернего города. В «Синей лошади» он мог бы сегодня встретиться с Ю. Сегодня ведь пятница? Л. задумался, пересчитывая дни. Неделя, без сомнения, тянулась уже долго. Но дни выдались суматошные, так что он легко мог ошибиться, и сегодня, например, четверг. В таком случае, идти в «Синюю лошадь» нет смысла — Ю. заглядывает туда только по пятницам. Впрочем, сегодня он туда и не пойдет — даже если бы оказалось, что сегодня пятница.

Как к концу недели могло скопиться столько работы? Чем он занимался — вчера, позавчера? Может, это несрочная работа, и он ее отложит? До полуночи у него есть все шансы застать Ю. в «Лошади», он уверен в этом. Но сначала он зайдет в супермаркет на углу — купит бенгальские огни и пакет железных конфет. Для дочери. Он забыл о бенгальских огнях, когда делал рождественские покупки. Вернее, не забыл — бенгальские огни в списке покупок попали как раз на сгиб листка, и он не заметил этой строки.

Жена пожалала плечами и сказала, что не удивлена.

Чем же он занимался целую неделю?

Память подсовывала обрывки разговоров, чей-то профиль за соседним столиком в обеденный перерыв, истерические всхлипывания за стеной. Это не имело никакого отношения к работе, а может, и вообще к его, Л., жизни. Он знал, что может добраться до любых воспоминаний, надо только сфокусироваться — и все, до единой мелочи, вся его жизнь...

Собственно, мелочи он и так превосходно помнил — память так бережно их хранит, что, наверное, в них-то все и дело, в мелочах. Так стоит ли напрягаться и искать в своем прошлом что-то еще?

Его и в настоящем-то больше всего занимало не Бог весть что. Ботинки. Вернее, один из них — правый. К концу дня он почему-то начал жать. Ничего удивительного, ботинки новые — от новой обуви только и жди не-

приятностей. Через сорок три минуты он останется в Центре совершенно один. Тогда он сможет просто снять башмаки и ходить по конторе в носках. Кстати, они целые? Не хотелось бы светить дыркой на пальце...

Что ж, в таком случае, ближайшие сорок три минуты он не будет делать ничего. Он имеет право, по крайней мере, поразмышлять о том, чего будет лишен в этот вечер. Для работы у него остается хоть целая ночь. Завтра отоспится. Может, это и к лучшему — полдня проспав с полным правом и чихать на все обычные ритуалы уик-энда. Полчаса назад он, как обычно по пятницам, позвонил жене и сказал, что задержится до ночи.

Она ответила, что не удивлена.

Интересно, она поверила, что он остался в Центре, а не пошел в «Синюю лошадь»?

Л. снова уставился в окно. Его мозг с колоссальной скоростью пережевывал короткие, словно случайно выхваченные камерой кадры, образы. Плиссированная юбочка Ю. Вспухшие от рыданий губы дочери — она снова поссорилась с мамой. Девочка излишне нервна — в тринадцать лет боится выстрела хлопушки. Зато совсем не боится огня. Особенно яркий кадр: позже, когда она уже не нервный подросток, и бетонную стену перед ней охватывает пламя — почему-то все происходит медленно, подобные минуты в человеческой памяти обычно растянуты до неприличия, — он успевает посмотреть ей в глаза, и не видит в них ни тени страха, одно только удивление.

Бесконечное, как космос, удивление...

Л. сморгнул. Что-то нарушило череду воспоминаний — отблеск зарева в черных глазах, в котором он сам сливается с охваченной пламенем стеной, был несвоевременным. Он мельком удивился тому, что память не сохранила ни единого звука — обычно он хорошо помнил звуки, голоса узнавались раньше, чем лица, а еще раньше — интонации. Что-то сбilo его...

Л. осмотрелся и понял, что сработал таймер. Последние работники Центра — те, которые в связи с уик-эндом не успели сбежать с работы полчаса-час назад — галдящей гурьбой вываливаются в коридоры, штурмуют лифты и, наконец, высыпают на улицу. Нота моторов в общем городском гуле становится чуть слышнее. Он снова глянул в окно и поискал вывеску «Синей лошади». Через пятнадцать-двадцать минут он мог бы быть там. Ю. будет его ждать в течение сорока пяти минут. А потом закажет что-нибудь. За первой рюмкой она будет изучать посетителей. Вторую, скорее всего, разопьет уже в чьей-то компании. К полуночи она вызовет такси и уедет домой. Одна или с кем-нибудь.

Любой конторе для баланса коллектива нужен один простофиля. На котором коллеги оттачивают остроумие, а начальство удовлетворяет свою любовь к власти. Работа решительно ни при чем — не было ничего такого в работе Л., чего нельзя было сделать на следующей неделе, или в будущем году, или вообще никогда.

Л. прислушался к себе и отметил, что не испытывает раздражения. Он вообще ничего не чувствовал, кроме неудобства в правом ботинке. Память была безукоризненно чистой — она хранила факты, все, до единой мелочи. Он помнил каждую складку на юбочке Ю. И каждую морщинку у глаз жены. Он помнил странный узел на пижонских туфлях Великого Шефа. Неровный багряный бархат шторы в столовой.

Все помнил. Ничего не чувствовал. Только проклятый ботинок.

Л. со вздохом поднялся и направился к лестнице — надо спуститься на нижний уровень и разобраться, какого черта происходит с манипулятором.

Л. нарочито гремел по металлу ступенек. Он простофиля. Они все так думают — и хотят, чтобы он знал, что они так думают. Коллеги. Жена. Великий Шеф. Наверное, даже Ю. Он не управится с работой достаточно быстро. Его ждет начальственный нагоняй. Кроме того, придется вызывать такси — метро закрывается в полночь. Никому до этого и дела нет! Глупо было высматривать свои окна в развеселом мигании — его дом находится черте где, за Рекой. Это очень, очень далеко от Центра. Это просто недо-стижимо далеко.

Ощущения в правом башмаке стали просто мучительными. Уволиться к черту, подумал он. И удивился этой мысли. Она была чужой и пришла извне. Он сам никогда и не подумал бы... Это как же — остаться без работы? В такое время найти другую будет весьма непросто. Безработица... Инфляция... Нет, невозможно. Что скажет жена?

Да то же, что и всегда. Что, в общем, не удивлена.

Спуск, наконец, закончился. Л. вызвал основной правый нижний манипулятор в ремзал и проверил места сочленения конструкций. Одна колодка совсем стерлась. Он заменил ее. Заодно почистил несколько суставов. Секунду подумал и сделал то же самое с левым ближайшим манипулятором. Потом он выглянул наружу и несколько минут придирчиво наблюдал за работой механизмов. Затем вернулся в нижний машинный зал и протестировал узлы управления.

Правый башмак по-прежнему мешал. Ощущения уже не были острыми — так, глухая тревога. Он на всякий случай еще раз протестировал узлы. Все работало, как часики.

Значит, шалили призраки. Л. не верил в них, хоть иногда ему приходилось с ними встречаться. Большинство призраков тоже в него не верили — это очень облегчало работу. Призраки мешали, но не сильно — Л. мог себе позволить не обращать на них внимания. Он даже думать не хотел, насколько усложнилась бы его работа, если бы он в них поверил. Призраки были плодом его воображения. Вернее, фантомом памяти местной цивилизации. Эта цивилизация обладала зачатками воображения — она произвела множество разнообразных форм потустороннего существования. Л. почувствовал непривычное сокращение мышц — которых у него на самом деле не было — и понял, что только что улыбнулся. Все, что осталось от этой цивилизации — ее призраки. И те ей больше не принадлежат.

Л. поднимался по лестнице обратно в Центр и думал, что стоит отключиться от потока памяти. Тогда призраки не смогут его побеспокоить. Л. остановился у входа, секунду поколебался, потом вернулся на лестницу и снова спустился на один уровень. Ему стало тревожно. Он никогда раньше не улыбался.

Л. перегнулся через низкое ограждение и осмотрел зал. Просто осмотрел — больше он ничего не мог сделать. Он контролировал свое тело полностью. Кроме одного сегмента — сердца. Л. не знал, как оно устроено, как действует, из чего состоит. Все, что он мог — смотреть, как оно работает.

Если его тело и мозг были всего лишь совершенны, то сердце — прекрасно и непостижимо. Оно напоминало огромную перламутровую каплю и висело посреди круглого зала его грудной клетки без всякой видимой опоры. Л. никогда не заходил в этот зал — боялся нарушить силовые поля, удерживающие сердце в всячем положении, сбить тонкие настройки. Капля жила своей прекрасной и непостижимой внутренней жизнью. По ее стенкам пробегали волны, на поверхности мелькали пятна света и тени, зал наполняли неритмичные звуки, то сливающиеся в мерный гул, то срывающиеся в крик, то сбивающиеся на шепот. На сердце можно было смотреть часами. И чувствовать, как каждая мельчайшая зыбь отдается во всем существе — как замирает на миг дыхание, как сжимаются в кулак пальцы, как начинают подрагивать губы. Он мог отключить все приборы слежения, сосредоточить взгляд только на сердце, максимально активизировать память и прожить самые волнующие минуты сразу тысячи жизней. Сердце взрывалось мириадами перламутровых искр, пульсировало, разрасталось и съеживалось едва не в горошину. Этот танец можно было преобразовать во что угодно — в любые потоки слов, звуков, красок и образов. Но Л. просто смотрел. Он знал все об этой цивилизации — о том, как она жила, думала, чувствовала. Но он ничего не знал о собственном

сердце. И пропуская через него потоки чужой памяти, он изо всех сил пытался разобраться в его реакциях и закономерностях. Последнее время это казалось важным. Возможно, самым важным. И, самое главное, это увлекало — он мог наблюдать и раздумывать над своим сердцем часами.

Иногда Л. так и делал.

Но сейчас он только коротко осмотрел грудную клетку и вернулся в Центр.

Конечно, призрак был здесь — стоял у окна и смотрел вниз на огни города. Л. видел, как эти огни просвечивают сквозь туманное тело призрака, немного теряя в яркости и чуть-чуть меняя спектр.

— Ты уже здесь? — спросил призрак, не оборачиваясь.

Кажется, это был тот самый призрак, который в него верил. Л. сделал вид, что не замечает его, и подумал, что поток памяти надо прервать. Обычно он не обращал внимания на призраков, но сегодня они ему мешали. Призрак то ли поежился, то ли попытался пожать едва очерченными плечами — по его полупрозрачному телу пробежала зыбь. Л. поймал себя на том, что разглядывает его. В нем было что-то знакомое. Что-то такое, чего не было ни в одном другом призраке. Какая-то новая уловка? Л. сосредоточился на правом нижнем манипуляторе. Он не позволит этому фантому...

Как на зло, манипулятор работал совершенно нормально.

— Отказываешься верить самому себе? — в голосе призрака проскользнуло что-то, что Л., опираясь на свою слуховую память, определил как насмешку. — Ты не слишком сообразительный.

Л. поколебался, но решил произнести это вслух:

— Я не верю в призраков.

— У вас не принято?

— Не понимаю, что значит «у вас», — сказал Л. — Призрак — плод воображения. Что до меня, то у меня нет собственного воображения, значит, верить в призраков я не могу.

— А как же я? — с любопытством спросил призрак.

— Я пользуюсь памятью этой цивилизации. Персонифицированной памятью, — пояснил Л. — В ней есть определенные представления. О призраках, в частности. Кто-то из живущих здесь...

— Живших здесь, — поправил призрак.

— А? Не имеет значения. Кто-то имел представление о призраках. Возможно, верил в них. Ты всегда разный. Значит, ты плод воображения того человека, чьей памятью я пользуюсь в данный момент.

— Не понял, — признался призрак.

— Ну, скажем так, ты на самом деле совсем не такой, каким я тебя вижу. Это если не учитывать того, что тебя вообще нет.

— А, теперь ясно, — пробормотал призрак. — Хотел бы я, чтобы ты тоже был совсем не таким, каким я тебя вижу. А еще лучше, чтобы тебя тоже на самом деле не было. Но не с моим счастьем. Ты есть — в этом вся беда.

— Не понимаю, чем ты не доволен, — сказал Л. — Когда я закончу свою работу, ты обретешь покой. Во всяком случае, согласно вашим представлениям о призраках...

— Я-то как раз совершенно не беспокоился, пока здесь не появился ты, — огрызнулся призрак.

Л. снова занялся тестированием систем своего организма. Тщательно, узел за узлом.

— Хорошо, я чужой вымысел, — сказал призрак. — Тогда почему ты воротил от меня нос? Ты же, кажется, коллекционируешь чужие мысли? Почему бы не пополнить коллекцию свеженьким вымыслом?

— Вымыслы составляют существенную часть памяти цивилизации, — согласился Л. — Но мне приходится соблюдать баланс между материальными и духовными составляющими. Коллекционирование духовного не должно мешать утилизации материального. К тому же, прости, местная цивилизация битком набита суевериями, поэтому я бы не назвал тебя «свеженьким вымыслом» — в моей коллекции около пяти миллиардов разнообразных форм потустороннего существования.

Призрак издал странный сдавленный звук.

— Да уж, чего только не наберешься на наших помойках... — пробормотал он. — А ты, стало быть, как раз специалист по помойкам?

Л. не был уверен, что есть смысл разъяснять призраку суть своей программы.

— Ты жил в этом городе? — спросил он.

— Почему — жил? Я и теперь в нем живу. И еще сто лет жил бы, если бы не ты. Какая нечистая тебя принесла?

— Я утилизирую остатки материальной цивилизации, — терпеливо повторил Л.

— Говоря по-простому — уничтожаешь, — сказал призрак. — Я видел — за тобой ничего не остается. Зачем?

— Очищаю место для новой жизни.

Призрак удовлетворенно кивнул.

— Ага. Я так и думал, что ты оттуда.

— Откуда?

— Ну, оттуда, — призрак неопределенно ткнул пальцем вверх. — Из космоса.

— Нелогичное рассуждение, — отметил Л. — На твоём месте я считал бы, что передо мной создание хаоса, а не космоса. То, что я делаю, ты должен воспринимать как разрушение.

— Хорошо, хорошо, называй, как знаешь. Ты умнее, чем я, ты знаешь, что и как я должен воспринимать лучше, чем я сам. Кто нас завоевал?

— Вас?

— Нашу планету.

— Нельзя завоевать планету, на которой нет разумной жизни, — ответил Л. — Её можно только колонизировать.

— Хорошо, кто нас колонизировал? Такие, как ты?

— Нет «таких, как я». Я здесь один.

— Значит, для тебя одного — целая планета? — призрак присвистнул. — Неплохо! И чем тебе мешают наши развалины?

— Но колонизация, как вы её понимаете — это фантастика, — продолжал Л., не обращая внимания на болтовню призрака. — Организм, приспособленный к жизни на определенной планете, не сможет нормально функционировать ни на какой другой. Жизнь — это очень сложная структура. Под неё трудно подогнать условия — ей соответствуют только те, которые её сформировали. Иначе говоря, любой живой организм может полноценно существовать только на своей родной планете.

— Хорошо, хорошо, не умничай, — проворчал призрак. — Считаю, что я тебе поверил. Так откуда же здесь возьмется жизнь? После всего того, что произошло...

— Жизнь зародится. Так или иначе...

— Что, снова от обезьяны? — призрак хихикнул.

— Обезьяна... — Л. покопался в памяти. — А, довольно сложная белковая структура... Происхождение видов вне моей компетенции, если ты об этом.

— Об этом, об этом. Но я уже понял, что ты не по созданию — ты по разрушению. От другого ведомства, так сказать. Прости, приятель.

Призрак прошелся туда-сюда вдоль окна-витрины. Л. изо всех сил старался его не замечать — для этого он переключился на приборы дальнего слежения и занялся проверкой внешних секторов и реорганизацией групп манипуляторов — дело муторное, требующее самого пристального внимания.

— Значит, ты тут один такой? — не унимался призрак.

— Один, — снова сказал Л. и не стал уточнять, что он на самом деле вообще один — не только «тут».

— Я, в общем, тоже, — сказал призрак. — Не скучно?

— Не понимаю.

— Ну, конечно, не понимает он...

Призрак снова прилип к окну.

— Я читал, что город, в котором никто не живет, сам по себе исчезает через восемьдесят лет, — сказал он. — Истлевает, рассыпается, его поглощает растительность. Зачем что-то намеренно разрушать, если все и так пропадет?

— Восемьдесят ваших лет — это при нормальном состоянии биосферы, — ответил Л., не отрываясь от работы. — Биосферы больше нет, период разрушения материальных остатков сильно замедлен. Но дело даже не в этом — рано или поздно исчезнет все, ты прав. Но не бесследно. Время от времени представители нового цикла жизни станут находить материальные остатки предыдущего цикла. Это следует исключить.

— Почему?

— Жизнь, во всяком случае, до определенного этапа развития, должна быть убеждена в собственной уникальности и неповторимости. Только тогда она сможет стать полноценной и хотя бы относительно долговечной.

Призрак скорбился и снова уставился в окно.

— Может, знай мы о том, что мы не уникальные и даже не первые на своем же клочке земли...

Л. промолчал. Его программа не распространялась на область возможного.

— Грязная у тебя работа, — заметил призрак. — Мусорщик. Ты из двоечников или просто неудачник? А может, ссыльный?

Вопрос был лишен смысла. Правый ботинок снова начал жать. Л. поморщился. Это отвлекало.

— Это не ботинок, — вдруг сказал призрак. — Это носок сбился. Интересно, почему он всегда сбивается только в одном ботинке?

— У меня нет никаких ботинок, — сказал Л. — Это фантомная боль. Фрагмент памяти, которой я пользуюсь в данный момент. У меня нет ног, рук и прочих частей человеческого тела. У меня манипуляторы. Ясно тебе?

— Чего ж тут неясного, — ответил призрак. — Видел я тебя и снаружи, и изнутри. Снаружи ты, если хочешь знать, просто каракатица. Вернее, колония каракатиц. Поэтому меня так развеселила эта история с ботинком.

— Откуда ты знаешь про ботинок? Это только мои ощущения.

— Интересно, ног у тебя нет, а ощущения есть.

— Я уже говорил — это фантомная боль.

Призрак захихикал.

— Неужели во всей этой убогой цивилизации не было более достойного фрагмента памяти, кроме давящего ботинка? Не было другой личности, кроме неудачника, которого оставили в конторе доделывать чужую работу? Почему не сосредоточиться на ком-нибудь действительно стоящем? Или хотя бы счастливом? Почему не ученый в момент открытия какой-нибудь ненужной бациллы? Или поэт в момент рождения шедевра? Или хотя бы глупый влюбленный, когда она, наконец, сказала «да» и расстегнула первую пуговичку?

Действительно, почему? Л. перевел дух и подавил желание немедленно броситься вниз и посмотреть на сердце.

— Я действую по принципу случайного выбора, — ответил Л. после минутного молчания. — И я обрабатываю память множества личностей в самых разных временных срезах. В данный момент в обработке тысяча двадцать пять фрагментов. Заархивировано только в этом населенном пункте миллион сто восемь значимых фрагментов. Но я не могу одновременно осознавать себя всеми этими личностями — возможности моего процессора ограничены.

— Поэтому ты выбираешь самую ненавязчивую личность — какого-нибудь мелкого клерка, у которого самое серьезное переживание — сбившийся носок? — насмешливо поинтересовался призрак.

— У него масса других переживаний, — Л. вдруг почувствовал необходимость вступить за того, кем он был последние несколько часов.

— Понимаю. Мне одна только моя собственная память спокойно спать не дает. А ты... Ты мог бы стать просто суперпризраком, парень!

— Я не могу стать призраком — это не учтено моей программой, — ответил Л.

По телу призрака прошла мелкая рябь. Л. догадался, что он так смеется.

— А ведь тебя тоже тут оставили доделывать грязную работу. Ты, конечно, каракатица, вернее, колония каракатиц, и вся колония, как и каждая каракатица в отдельности — простофили. Вот почему ты так носишься со своим правым ботинком, приятель. И вот по какому принципу ты выбираешь себе «кем быть».

Один из манипуляторов в дальнем сегменте города прислал сигнал бедствия — его узел управления привалило чем-то, состав чего он не мог проанализировать в этом положении. Л. направил два ближайших манипулятора на помощь. Они подняли обломок обгоревшего бетона, на котором каким-то чудом сохранились фрагменты граффити. Л. скопировал граффити и какое-то время наблюдал, как манипуляторы превращают обломок в горку пыли, а потом раскладывают ее на простейшие составляющие. Углерод вернется в атмосферу. Металлы лягут в землю.

Из-под горки пыли показался потерянный манипулятор. Л. проверил его состояние. Манипулятор требовал серьезного ремонта. Его можно было прямо сейчас регенерировать — утилизировать и создать новый прямо из подручных материалов. Ремонт займет больше времени — каждый манипулятор был, по сути, центром управления для огромного количества мельчайших механизмов-преобразователей, работавших на уровне элементарных частиц. Л. с минуту поколебался и дал указание ближайшему манипулятору заняться ремонтом. Черт с ним, со временем. Чего он вообще о нем подумал? Время для Л. не имело значения. Он вообще не знал, что это такое. Время было фантомом чужой памяти — в точности как призрак.

— Нерациональное решение, — отметил призрак. — Хотя по-человечески я тебя понимаю.

— Я не человек, — сказал Л.

— Я, в общем, тоже, — пробормотал призрак.

Он по-прежнему смотрел в окно. И Л. стало любопытно, что именно он там видит? Какая временная перспектива у призрака? Он видит город прошлого — тот, в котором он жил и вместе с которым, возможно, погиб? Или он видит груды развалин, на которых хозяйничают манипуляторы, похожие на каракатиц? А может, его перспектива открывает будущее — далекое, неподвластное ему, Л.? Что это? Холмы, покрытые лесом и травами? Овраги, по которым бегут шустрые речушки с кристально чистой водой без следа высокой химии и неестественной радиоактивности?

Или он выискивает взглядом вывеску «Синей лошади» и проклинает про себя правый ботинок?

По телу призрака снова пробежала зыбь. Огоньки, просвечивающие через него, мигнули. У Л. на миг сбилось дыхание. Дыхание, которого у него, на самом деле, не было. Но которое было у каждого живого существа, населявшего этот город.

Тело призрака, которое поначалу казалось ему самым обычным для представления местной цивилизации — клоком белой мглы, кое-как поддерживающим форму человеческого тела, — действительно было полупрозрачным. Но это не была мгла. Оно больше походило на перламутровую жидкость, по которой пробежали неритмичные волны дрожи. Когда призрак говорил, Л. не столько слышал его, сколько распознавал смысл сказанного по играм света и тени на его поверхности. Сам по себе, вне фантомной памяти, Л. вообще не был способен слышать и понимать речь.

— Нет, ты не ссылный. Ты тупица, — с удовольствием произнес призрак. — Я тоже таким был. Но потом исправился. Знаешь, когда у тебя в распоряжении вечность, времени хватает на все, в особенности на то,

чтобы пораскинуть мозгами. Ты поймешь. Потом, — призрак хихикнул. — А сейчас просто подумай вот над чем. Если жизни подходит только ее собственная планета, то память предыдущего цикла жизни подходит только последующему циклу этой же самой жизни. И больше никому во всей Вселенной. Так для чего, вернее, для кого ты ее так старательно собираешь? Кто еще поймет твои страдания по поводу сбившегося носка? Разумная плесень с Альфа-Центавра?

— На Альфа-Центавра нет разумной плесени, — автоматически ответил Л.

— Много ты знаешь, — призрак фыркнул. — Альфа-Центавра вне твоей компетенции. Твое дело — наши помойки, и утрись.

На самом деле Л. его почти не слушал. Он обдумывал то, что внезапно стало ему совершенно ясно: призрак не мог быть только частью здешней памяти. Это было нечто, принадлежащее в той же мере его, Л., миру. Вернее, ему самому, поскольку он и был всем своим миром. Теперь Л. ясно видел, что призрак совсем не напоминает очертаниями гуманоида — на фоне темного окна, вернее, внутренней линзы оптического органа Л., висела перламутровая капля. Она была маленькой и чуть разреженной копией той, которая находилась уровнем ниже — в зале, который Л. привык называть «грудной клеткой». Теперь он сам удивился этому названию. Его мышление под влиянием работы с местной памятью стало слишком антропоморфным.

Возможно, это серьезная поломка. Ему следует исправить ее — ему постоянно приходится себя чинить, отлаживать и даже регенерировать. Он справится. Если только...

Если только поломка не связана с самим сердцем. Тогда ему не обойтись без помощи. Но кто сумеет помочь ему разобраться в собственном сердце?

До чего странная, неуместная мысль! Помочь ему никто не мог — он был один. Но мысль о помощи сидела в нем, как заноза, и все разумные доводы оказывались против нее бессильными.

В правом ботинке снова начало саднить. Призрак, повернувшись всем корпусом к Л., нехорошо ухмылялся. Л. почувствовал, как манипуляторы — сначала в дальних секторах, потом и в ближних — замедлили работу. Если бы он был человеком, он сказал бы, что пребывает в смятении.

Но он не был человеком.

Ведь нет же?

Проклятый башмак!

Л. потянулся, чтобы снять его к черту. В конце концов, в офисе никого нет — он может ходить босиком. А хоть бы и голым — все равно охрана пялится в телек, а не на экраны внутреннего слежения.

Призрак захохотал — холодно и глухо, как подобает настоящему привидению.

Л. выпрямился. Еще недавно он был уверен, что все происходящее предусмотрено его программой. Он накапливал память почившей цивилизации, методично разрушая, расщепляя в пыль ее материальные останки. Предусмотрено ли программой то, что он, набрав критический объем памяти, станет частью этой цивилизации? Или он был ею с самого начала, когда цивилизация эта еще покоилась в колыбели? Или даже находилась в стадии разработки? Тогда его, Л., заложили в ее собственную структуру, потому что понятно было, что рано или поздно понадобится кто-то, кто приберет мусор...

Значит, его кто-то создал? И этот кто-то, в таком случае, вполне мог бы помочь ему с сердцем...

Очень человеческая мысль. Так сказал бы призрак. А уж он-то кое-что понимает в человеческом.

Призрак висел на фоне почерневшего окна. Он словно сжался, сконцентрировался, стал довольно плотным и еще больше похожим на его, Л., сердце.

Л. стало душно. Он оттянул горловину гольфа. Кровь тяжело стучала в висках.

Это сердце...

Черт, он один в офисе, некого попросить принести воды или вызвать «скорую»...

В смысле, надо спуститься вниз и посмотреть, как там сердце. Просто посмотреть — что он еще может?

— Память — чертовски тяжелая штука, — со вздохом заметил призрак. — Мне ли не знать... Она остается даже после того, как разрушено все, что с ней связано — предметы, улицы, целые города. Люди. Память тоже разрушается — до элементарных частиц. Осыпаются иллюзии, наваждения, убеждения и прочее — и все, наконец, становится таким, каким оно было на самом деле. Не таким, каким ты это видел, любил, боялся. С каким боролся. Понимаешь? Призрак прошлого — это жизнь, как она есть.

— Была, — автоматически поправил Л.

Призрак отмахнулся.

— Была, будет... Думаешь, на одной и той же планете в разных циклах развивается принципиально разная жизнь?

— Это возможно, — ответил Л. — Для этого и уничтожаются материальные остатки — чтобы ничто не повторилось.

Призрак снова глухо захохотал.

— Двоечник, — с удовольствием произнес он. — Неандертальцы не найдут склада с баллистическими снарядами — это точно. За что тебе большое человеческое спасибо. Но на них откуда-то снизойдет озарение по поводу силы огня и рисования на стенах пещеры. Я уж не говорю о даре речи и прочих невесть откуда взявшихся странностях. Ты, правда, думаешь, что утащишь весь этот архив в глубины космоса, или хаоса, или откуда ты там взялся? Что я позволю тебе это все отсюда утащить?

— Ты не сумеешь мне помешать, — прошептал Л., не доверяя голосу.

— Еще как сумею, — отрезал призрак. — Я знаю одно старое-старое заклинание... Не говоря уж о том, что ты сам, освободив призрака, обязан занять его место — ты что, порядка не знаешь?

— Заклинание... Эта цивилизация просто битком набита суевериями, — пробормотал Л.

Он подошел к окну и встал рядом с призраком. Огни погасли. Города больше не было — был черный провал, в котором, Л. и призрак оба это знали, заканчивалась грандиозная работа по ассенизации планеты.

Почему он никогда не думал о том, что станет с ним, куда он сам денется, когда его работа с этой цивилизацией будет окончена?

Почему — никогда? Вот ведь, думает. Только, наверное, поздно. С другой стороны, что бы изменилось, если бы он подумал об этом раньше?

— Страх смерти — это тоже фантом памяти, — сказал призрак. — Просто отключись от потока — и все пройдет.

Л. хмыкнул. Как, оказывается, просто. Он вернулся к пульту. В одном из секторов работа шла особенно напряженно. Надо было перекинуть туда манипуляторы из тех секторов, в которых работа уже завершена. Немного — два-три разной специализации, иначе они просто будут мешать друг другу. В окне появился фрагмент выжженной земли, по которой шагал манипулятор.

Л. собирался привычно отдать команду, но внезапно замер. Интересно, как поступят манипуляторы, если ресурса для переработки на заданном участке не хватит на всех?

Память сработала безупречно. Прямо в окне-витрине, где только что маячил манипулятор, ожидавший команды, появился фрагмент выжженной земли, по которой неспешно вышагивал манипулятор. Вот он достиг длинной земляной насыпи, перевалил через нее и скатился в траншею. Тут уже поджидали выстроенные в боевом порядке узлы-преобразовате-

ли другого манипулятора. Упавший сжался на дне траншеи. Защитники кинулись на него. И в тот же миг через бруствер посыпались в траншею преобразователи противника. Завязалась рукопашная. Малютки-преобразователи карабкались друг на друга, вгрызались в механизмы управления и жизнеобеспечения, преобразовывали, раскладывали, жадно всасывали выделяющуюся энергию и, пьяные от энергетического перегруза, кидались на следующего противника. Манипулятор-победитель расширит собственную сеть и дорастит себя самого лучшими частями побежденного манипулятора. Его сеть обложит все вокруг и будет сыто чавкать, переваривая ресурсы.

Призрак сжался.

— Никогда не думал об этом вот так, — признался он. — Впрочем, выглядит вполне органично.

Л. сморгнул. Манипулятор в режиме ожидания маячил в окне, пока Л. то ли вспоминал, то ли моделировал последствия ошибки в организации работы. Ему было не по себе от желания столкнуть манипуляторы на маленьком участке и посмотреть, что будет.

Призрак качался на границе поля зрения и, казалось, излучал тоску.

— Верни его, — попросил он.

Л. поднял на него взгляд.

— Верни город. Ненадолго. Что тебе стоит?

Л. ничего не стоило. Только перевести дух и слегка напрячь память — и в окне снова вспыхнули мириады огней. Призрак прилип к стеклу.

— Смотри, видишь этот темный провал? Это парк. Помнишь его? Увеличь-ка картинку. Ага, хорош... В этом парке, когда ты был мальчишкой, летом крутили кино. Еще был самый первый во всем городе павильон игровых автоматов. Ты проводил там каждый воскресный вечер. Сначала просаживал рубль в «морской бой», а потом, когда совсем темнело, шел смотреть кино. Увеличь еще... Вот он, кинотеатр.

Призрак водил перламутровым пальцем по стеклу.

— А потом ты возвращался домой. И было страшно. Помнишь, как было страшно? Фонари не горели, ты шел через черный парк. Как в детской страшилке: в черном-черном космосе есть черная-черная планета, на черной-черной планете есть черный-черный лес, в черном-черном лесу стоит черный-черный замок... Помнишь?

Л. пожал плечами. Он рассказывал эту страшилку своей дочери. А вот теперь он сам торчит на черной-черной планете, летящей в черном-черном космосе, надежно укрытой черными-черными тучами. И эту громаду каракатиц вокруг вполне можно принять за черный-черный замок. Он за-

хихикал, несмотря на то, что сердце сжалось, сбилось с ритма и понеслось вскачь. Как в детстве, когда он шел через черный-черный парк, в котором не горели фонари, но на черном-черном небе иногда сквозь городской смог можно было рассмотреть бледный диск луны.

— Ну что ж, полночь, — сказал призрак. — Самое время. Давай-ка сюда свое сердце.

Л. засмеялся, несмотря на нестерпимое колотье в груди. Зрительные анализаторы передавали на центральный пульт абсурдистское кино о восстании машин — малыши-преобразователи крушили пульты манипуляторов, раскладывали их на элементарные частицы и сами тут же ложились рядом и истлевали. Когда-нибудь это место назовут «магнитной аномалией» или «железным щитом» или еще как-нибудь по-глупому. И только призрак будет знать, что это, в общем, его могила... Анализаторы гасли один за другим. Дыхание замирало. Вокруг стояла невероятная тишина. Линзу внешнего наблюдения затягивало незнакомой белой мглой.

В этой тишине он скорее угадал, чем услышал слова призрака:

— Ты все-таки двоечник.

— Что? — прошептал он мертвеющими губами — он уже не мог понять, чьими, но определенно своими собственными.

— Я пытался тебе объяснить: те, кто жил здесь, верили не только в призраков. А детские сказки — это и есть заклинания. В определенных условиях они действуют...

У поверхности планеты зажглось маленькое перламутровое солнце. Его корона распалась на все цвета радуги, а над самой землей к дальнему сектору черного-черного неба протянулся протуберанец изумительной красоты.

Если бы Л. мог это видеть, он бы нашел в своей тщательно заархивированной памяти самое глубокое, самое искреннее восхищение...

Под низким серым небом по необъятной снежной равнине брел призрак. Подмышкой у него было зажато что-то вроде рулона белой бумаги. Только присмотревшись можно было рассмотреть, что бумага не белая, а, скорее, перламутровая, вобравшая в себя все цвета радуги, — как и сам призрак. Хлопья снега на миг задерживались на его плечах, потом проваливались сквозь его тело и ложились на землю. Призрак не оставлял следов, и его бормотание каким-то странным образом не нарушало тишины, заполнившей узкое пространство между низким косматым небом и белой землей.

— Я так и думал, — бормотал призрак. — Я так и знал, что этим все кончится. Сердце... Идиотская была идея — хранить все эти жизни прямо в сердце. Не удивительно, что оно не выдержало...

Он погладил пальцами рулон, поудобнее перехватил его и, оглянувшись, приветливо покивал сплошной белой мгле, которая затягивала все то, что он оставлял позади.

Призрак не чувствовал, как у него за спиной что-то сдвигается в водах океана, в атмосфере, в самом космосе. Как свет и тьма, вода и твердь занимают свои места. Как вздрогнула и пустилась по кругу стрелка на часах новой жизни.